

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.В. ХЛЫЩЕВА, И.М. МЕЛИКОВ, С.А. ХРАПОВ

Аннотация

Статья посвящена проблеме выявления специфики российской ментальности как социокультурного феномена. Геополитически располагаясь между Востоком и Западом, Россия представляет собой сложную смесь различных паттернов, проявляющихся в ее культурном ландшафте. Самобытные черты национального характера, сформировавшиеся под влиянием внешних и внутренних факторов и закрепившиеся в ходе исторического развития, наглядно проявляются в менталитете народа.

Кризис национальной идентичности, связанный с процессами глобализации и возрастающими миграционными потоками, привел к появлению множественности идентификационных механизмов, посредством которых индивид определяет свое место в социокультурном пространстве. При всей самобытности российской цивилизации, она не может оставаться в стороне от культурных контактов и заимствований. Новые модели постсоветского хронотопа символизируют расщепление прежнего пространства, поэтому исследование трансгрессии картины мира, проявляющейся в специфике российского менталитета не просто актуально, а жизненно необходимо для понимания культурных ситуаций прошлого, переживания настоящего и прогнозирования будущего.

С использованием культурно-исторического, культурно-антропологического и социально-философских подходов, авторы анализируют российскую ментальность и ее трансформацию в современном социокультурном пространстве. Авторским вкладом является выработка междисциплинарного исследовательского подхода, сочетающего анализ значимых характеристик российской культуры с ментальными установками сознания, направленными на доминирование эмоционального компонента в социальной практике, установкой на сакрализацию государственной власти и патернализм, с традиционализмом бытового уклада, открытостью к диалогу с другими культурами. Специфика российской ментальности выявляется с учетом онтологических и исторических оснований, выходя на современный уровень осмысления проблемы.

Ключевые слова: ментальность, ментальные установки, культура, картина мира, культурная самоидентификация, общественное сознание, социокультурное пространство.

Хлыщева Елена Владиславовна – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующая кафедрой культурологии Астраханского государственного университета.
culture_mar@mail.ru

Меликов Ибрагим Мустафа оглы – доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского государственного социального университета.
immelikov@gmail.com

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Астраханского государственного университета. khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Цитирование: ХЛЫЩЕВА Е.В., МЕЛИКОВ И.М., ХРАПОВ С.А. (2017) Российская ментальность в социокультурном пространстве // Философские науки. 2017. № 8. С. 48–62.

В человеческом сознании преломляются все факты и события окружающего мира, закрепляясь и проявляясь в специфической системе образов, представлений, символов. Поэтому анализ образа мыслей, способов и форм организации мышления, картины мира, запечатленной в сознании, является попыткой понять логику самого исторического процесса.

Исходя из существования в современном мире множества локальных культур, можно констатировать факт наличия разных вариантов понимания окружающего, зависящего от конкретных ситуаций, демографических и иных позиций. Проблема культурной самоидентификации человека связана с определением его отношения к окружающей действительности, ее осмыслением и изменением в соответствии с адаптационной необходимостью. Именно таким образом формируются модусы культуры, которые задают общий характер взаимодействий в социуме, а главное – определяют параметры национально-государственного самосознания, опирающегося на систему ценностных ориентиров всех членов социума, ставшую фундаментом для дальнейшего существования и развития сообщества людей [Хлыщева 2014, 280–285].

В основе ценностной системы находится архетип, представляющий собой типологический образ восприятия психической, природной, культурной реальности и схемы реагирования на нее. Архетипы насыщены образами-символами и выполняют функцию сохранности культурно-исторического опыта человечества, опосредуя социоантропогенез и динамику общественного сознания [Jung 1990, 59–264]. В культурно-историческом пространстве архетипические образы выполняют функции символа – знака, указывающего на определенное информативное содержание, варьирующееся от одной локальной культуры к другой.

Здесь встает вопрос о критериях взаимодействия разных культур и их носителей – представителей разных типов ментальностей, репрезентирующих системы этнических констант, сквозь которые человек смотрит на мир в конкретных пространственно-темпоральных границах. В своей сущности ментальность как раз и представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, цивилизации, религии, т.е. культуры.

Именно ментальность создает картину мира, в которой ценностные категории образуют единое целое, наполняя смыслом локальную модель мироздания. Ментальность как коллективное сознание становится «определенным управляющим центром, который курирует сознание всех своих носителей и определяет качество, развитие и направленность формирования и культуры, и людей, в ней живущих» [Иномата 2003, 48–54].

Исходя из этого понятна важность анализа ментальных структур социальной общности, позволяющего выявить глубинный срез реальности, закамуфлированной совокупностью образов, представлений, восприятий, которая на протяжении длительного времени остается неизменной и передается из поколения в поколение. Это специфическая матрица восприятия мира, опирающаяся на мифологический пласт сознания, ориентиры которого и переносятся на восприятие и оценивание окружающего.

Именно язык мифа, благодаря своей исконной символичности, оказался самым удобным для выражения «вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и культурного космоса» [Кемеров, Керимов (ред.) 2003, 24]. Однако со временем стереотипы вступают в противоречие с изменяющимися социокультурными условиями, а потому начинают затруднять взаимодействие культур и мешают их взаимопониманию.

Мышление – это познание мира, а менталитет – манера мышления, его своеобразие. Благодаря мышлению человек познает и переделывает мир. При помощи менталитета он приспосабливается к миру, окружающей природе, обществу, вырабатывая свое особое отношение к воспринятому, осознанному. Наиболее отчетливо менталитет проявляется в стереотипах поведения представителей конкретной культуры.

В общем конструкте ментальности каждый компонент (наука, искусство, религия) содержательно и функционально отличен от другого, он решает свои проблемы и наполняет картину мира определенными смыслами. Более подробное рассмотрение ментальных особенностей сознания конкретной социальной группы приоткрывает «скрытый» слой общественного сознания. Именно такой анализ позволяет объективировать и глубоко изучить создаваемые и транслируемые духовные константы эпохи, вскрыть глубоко укоренившийся и скрытый за внешней идеологией срез реальности – совокупность образов, представлений, восприятий, которая в большинстве случаев остается неизменной даже при смене одной формации другой. Это объясняется мощной устойчивостью ментальных структур, которая проявляется в специфике и логике информативного восприятия мира и типологии ментальных состояний, формируемых ею.

Прикладное значение имеет изучение ментальности как качества конкретной эпохи, всего социума, нации, социальной страты. Здесь ментальность — окраска каждой конкретной культуры, которая создает свою специфику, мировосприятие особой конфигурации, определяет ракурс базовых характеристик, основы национального характера.

Серьезные исследования сущности понятия «ментальность» в зарубежной научной мысли начались в XIX в., хотя и сегодня дискуссия вокруг проблематики «менталитет — ментальность» не утихает среди ученых, особенно в гуманитарной сфере.

Интересно заметить, что если в отечественной науке важна проблематика понятийного характера: определение и разграничение самих понятий «ментальность» и «менталитет» (часть ученых считает данные термины синонимами, часть разделяет их по принципу «часть — целое»), то для зарубежных исследований такой подход не актуален в силу существования единого термина «mentality», который и используется во всех исследованиях. В научную литературу данный термин был введен американским исследователем Р. Эмерсоном в середине XIX в. для обозначения картины мира, которая возникает у человека благодаря чувствам, ощущениям, симпатиям/антипатиям и т.д. Ранее такие представления обозначали понятием «народный дух» (Дж. Вико, Г.В.Ф. Гегель, Й. Гердер, Ш. Монтескье и др.).

В XX в. исследование ментальности становится междисциплинарным, соединяя исторический, психологический антропологический, социологический, культурологический, философский подходы. Л. Леви-Брюль выделяет два типа ментальности: пралогическую (первобытную) и логическую (современную) [Levy-Bruhl 1910]. При этом пралогическая ментальность является базовой по отношению к другим видам ментальности (в частности к современной ее форме — логической) по причине формирования коллективных представлений, обусловивших мышление и поведение, характеризующее именно данную социальную общность.

Схожие представления можно найти и у Э. Дюркгейма, рассматривающего ментальность как «систему универсальных коллективных представлений мистического характера... выражающих коллективную реальность» [Durkheim 1947]. Ж. Ле Гофф считал, что ментальность — это «то, что было общего в сознании Цезаря и любого воина в его легионах, в сознании Людовика Святого и любого крестьянина в его владениях, в сознании Колумба и любого матроса на его каравеллах» [Le Goff 1974, 169].

Культура трактуется Ле Гоффом «не как система духовных достижений индивидуального творчества, а как способ духовного существования людей, как система мировосприятия или картин мира, явно или

латентно присутствующие в сознании индивидов и продуцирующие программы и модели поведения последних» [Le Goff 1974, 185].

Менталитет рядопологался с такими феноменами как система ценностей, идеология, общественное сознание в целом. В нем преломляются и выражаются наиболее значимые тенденции общественной психологии и жизни в контексте культурно-исторического развития того или иного народа.

Ключевой идеей представителей французской исторической школы Анналов (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель) было представление о множественности времени, согласно которому различные культурные явления и социальные процессы имеют и различную временную длительность. Ментальные структуры, по их мнению, наряду с географическими и биологическими, имеют неизменную природу.

Французский ученый Г. Бутуль в монографии «Менталитет» (1952) определяет менталитет как «совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры» [Bouthoul 1952, 31–31].

Во второй половине XX в. проблема культурного разнообразия и несхожести мировосприятия у различных народов становится особенно актуальной. Именно тогда в широкий научный оборот под влиянием структурной антропологии К. Леви-Строса вошли истории ментальностей [Леви-Строс 2011].

Индивидуальное сознание каждой личности, трансформируясь в сознание всего народа, явилось важной составной частью формирования менталитета этнообщности. В центре внимания историка, антрополога, культуролога находится ментальная сфера, которая является основой человеческой истории. Менталитет формируется под влиянием конкретных социальных и культурных факторов, являясь их отражением и выражением особенности как индивидуального, так и коллективного субъекта, тем самым оказывая существенное влияние на ход истории и развитие социума.

П. Динцельбахер отмечал, что менталитет как «историческую категорию проще описать, чем определить», так как исторический менталитет — это «совокупность способов и содержания мышления и восприятия, характерная для определенного коллектива в определенное время. Менталитет проявляется в действиях» [Dinzelbacher 1993, 63].

В современном обществе происходят сложные и противоречивые процессы изменения социальных идентичностей. Проблема вариативности менталитетов в эпоху глобализации и мультикультурализма ставится и анализируется в трудах А. Аппадурай, Дж. Бартон, У. Бека, Ф. Беккер, Н. Глейзера, М. Лумана, Р. Робертсона, Г. Тернборна, У. Уотерса и др.

Осмысление менталитета было популярным и в российской науке. Своими идеями известны такие выдающиеся историки как Л.П. Карсавин и Г.Г. Шпет [Карсавин 2003; Шпет 2007].

Для отечественных ученых значимым явился переходный период от советского к постсоветскому типу общества, когда анализ роли менталитета в социальных и ценностных трансформациях стал особенно актуальным. Это хорошо просматривается в работах В.П. Тугаринова, Ю.В. Волкова, А.П. Скорика, Л.Н. Пушкарева, И.Г. Дубова, И.В. Мостовой, Н.И. Лапина, Л.В. Баевой, Т.И. Заславской, А.С. Ахизера, Д.В. Полежаева и др. В исследованиях российских ученых прослеживается традиция школы Анналов – рассматривать менталитет как фундамент, неизменное в истории ядро культуры (В.Б. Иорданский, А.И. Пальцев и др.). Так, А.И. Пальцев предложил следующую структуру менталитета: «Наиболее глубинным ментальным уровнем, обладающим “невариабильным ядром значения” являются универсальные для всего человечества архетипы. На менее глубоком уровне находятся ментальные групповые образования, которые состоят... как из унаследованных моделей восприятия и понимания, так и культурных, являющихся продуктом современной социальной действительности» [Гринева 2003, 177]. Такой подход противостоит психоаналитической интерпретации менталитета как бессознательного феномена и усиливает потенциал рациональности тех концепций, в которых рассматривается вопрос о разных по качеству структурных уровнях менталитета (мы выделяем бессознательный и актуальный), что, в свою очередь, позволяет более широко исследовать его сопряженность с культурогенезом и динамикой общественного сознания.

Весьма важную роль в динамике социального бессознательного, менталитета и общественного сознания культурологи и историки отводят мифу. По мнению отечественного ученого В.С. Полосина, миф состоит из архетипа, логической схемы ситуации или истории («если... то...»), многократно возникающей в общественной жизни и зафиксированной в общественном бессознательном и сознании; смыслового содержания, эмпирически извлеченного из социального опыта и системы образов, функциональная символика которых соотносит конкретный опыт с соответствующим ему архетипом и трансформирует рациональное содержание этого опыта в иносказательную историю [Полосин 1999].

Именно поэтому, чтобы детрансформировать иносказательные образы обратно в рациональное содержание, необходимо выявлять архетип, в соответствии с которым опыт кодировался символически. Следовательно, архетип представляет собой код, позволяющий установить или восстановить значение этих символических образов, демифологизировать миф с помощью определения и рациональ-

ного прочтения закодированного в нем содержания культурно-исторического опыта.

Феноменальность мифа интегрирует в себе бессознательную и ментальную сущность духовной жизни общества, ибо миф содержит архетипический и более осознанный ментальный уровни. Уникальность любого мифа состоит в том, что в его основе лежит интеграционная структура – архетип, укорененный в коллективном бессознательном, а, следовательно, полное исчезновение его невозможно, в зависимости от культурно-исторических обстоятельств он принимает новую форму. Таким образом, мифы укоренены и одновременно выражают неразрывную «феномено-онтологическую» связь социальной памяти, социального бессознательного, менталитета и общественного сознания, хотя, несомненно, эти формы духовной жизни общества не исчерпываются ими.

Исследование менталитета в рамках культурно-исторической парадигмы характеризуется рядом черт [Храпов 2010]. Во-первых, представители данного направления исходят из того, что содержание менталитета обусловлено культурными и историческими контурами, соответственно архетипы, представление о которых столь глубоко разработано в психоаналитической философии, могут мыслиться лишь как исходные образы, имеющие «гносеогенно-символическую» природу.

Во-вторых, данный феномен рассматривается в контексте всего культурно-исторического поля. Именно поэтому он сопряжен с такими понятиями, как “дух народа”, “национальный характер”, “душа народа”, “культурное сознание”, “общественное сознание” и т.п. В-третьих, менталитет интерпретируется как аккумулятор культурно-исторического опыта, опосредующий культурогенез, динамику социума и общественного сознания. И, в-четвертых, особенно значимым на наш взгляд феноменом, непосредственно «высвечивающим» сущность и механизмы функционирования менталитета и его сопряженность с общественным сознанием является миф, анализ которого наиболее глубоко представлен в культурно-исторических концепциях. Таким образом, специфика культурно-исторической интерпретации менталитета состоит в рассмотрении его как аккумулятора культурно-исторического опыта, имеющего исходную архетипическую и культурно вариативную «гносеогенно-символическую» природу и опосредующего динамику социума и общественного сознания.

Большинство философских концепций менталитета предметно локализовано в рамках философии истории (Н.О. Лосский, И.А. Ильин, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев) и социальной философии (Г.Д. Гачев, И.Г. Дубова, И.К. Пантин, Л.М. Смирнова, Н.Н. Толстых, А.В. Мурунова, В.П. Кожевников, А.С. Панарин). Для данных направлений характерна смежность с культурно-историческими

концепциями менталитета, что особенно ярко проявилось в русской философии, представители которой исследовали национальный характер, национальный дух и т.п.

Тем не менее есть аспект проблемы, требующий именно социально-философского осмысления. К нему, на наш взгляд, следует отнести вопросы о соотношении менталитета с различными формами духовной жизни: идеологией, общественным сознанием, и о его влиянии на культурогенез и социоантропогенез [Храпов 2015, 752–761]. О влиянии менталитета на различные уровни и формы общественного сознания писал А.Я. Гуревич: «Когда мы говорим о ментальности, то имеем в виду, прежде всего, не какие-то вполне осознанные и более или менее четко формулируемые идеи и принципы, а то конкретное наполнение, которое в них вкрадывается — не “план выражения”, а “план содержания”... Идеологические средства способны активизировать определенные аспекты ментальностей, но они, по-видимому, в большей степени их высвечивают и выявляют нежели создают, ибо пускают корни в обществе преимущественно лишь те стороны идеологии, которые находят для себя почву в ментальностях, перерабатываясь в соответствии с ними» [Гуревич 1988, 56–70].

Российская история содержит массу примеров, подтверждающих опосредованность общественного сознания и идеологии ментальными пластами культуры [Храпов 2010]. Достаточно вспомнить идеологему поклонения советским вождям, основанную на ментальных религиозных практиках.

Особенности российской ментальности как социокультурного феномена можно рассмотреть через анализ ментальных установок (типов взаимодействия) и значимых характеристик. Именно такие установки и характеристики, во многом, определяют специфику российской культуры, а также процессы ее диалога с другими культурами и их представителями.

Характеризуя российскую культуру, большинство философов, историков и культурологов (Н.А. Бердяев, И.В. Кондаков, А.И. Шендрик, И.М. Меликов, С.А. Храпов и др.) отмечают ее *природоцентризм; евразийский характер; религиозность; оборонный характер; культууроцентризм; наглядно-образный характер.*

«*Природоцентризм*» объясняется наличием огромного пространства, охватывающего регионы Европы и Азии, которое во многом определило мировосприятие русского человека, тип организации государственной и общественной жизни. Масштабы пространства и природные ресурсы не только заложили основы российской государственности, но и послужили основанием для достижения высокого уровня культурного самосознания. Природные мотивы представлены в эпосе, декоративно-прикладном искусстве, моде, стиле архитектуры городов и сел.

Евразийский характер российской культуры предопределяет положение России между Западом и Востоком. Многочисленные споры о том, является ли Россия западной или восточной цивилизацией, по-прежнему остаются неоконченными. Своеобразным компромиссом становится признание евразийского характера российской цивилизации и культуры. Сочетая в себе исторический опыт и ценности западной и восточной цивилизаций, Россия «рождает» нечто новое, уникальное, присущее только ей самой. Высоты российской науки и искусства, несомненно, характеризуют ее принадлежность к европейской цивилизации. Опыт взаимодействия с восточными странами, восточный характер российского православия, значительное мусульманское население и ряд других исторических причин, сформировали специфические уклады политической и социально-экономической жизни, тяготеющие к восточному цивилизационному типу. Все это определяет специфику российской культуры и придает российской цивилизации особую устойчивость.

Религиозный характер объясняется связью российской культуры и государственности с религией. Принятие христианства в 988 г. определило принадлежность России к странам западной христианской цивилизации. Историческая взаимосвязь Государства и Церкви сформировала культурное наследие, представленное как в материальной (памятники архитектуры, иконы, предметы декоративно-прикладного искусства), так и в духовной форме (устойчивость религиозных традиций, авторитет духовных подвижников, предстоятелей церкви).

Примечательным является факт, что исторически, в пространстве российской культуры достаточно гармонично сосуществуют различные виды мировых и национальных религий: христианство (православие, протестантизм и католицизм), ислам, буддизм, иудаизм и др. Это привело к необходимости выработки толерантной системы отношений между представителями различных этнокультур и религиозных систем.

«Оборонный характер» российской культуры сформировался в результате острой необходимости обороны от врагов ввиду огромного масштаба страны, расположения между Западом и Востоком, охраны ее природных ресурсов. В российском менталитете исторически присутствуют образы военных побед в Невской, Куликовской битвах, Полтавском, Бородинском сражениях, битве за Москву, Ленинград, Сталинград. Участие основной массы населения в обороне страны сформировало особый тип культурной памяти с ее сигнификатами в виде памятников, музеев, празднований дат великих сражений и т.д. Особо значимым для российского менталитета всегда являлся образ Родины-матери, которую необходимо защищать.

Российская культура представляет собой достаточно сложную систему, интегрирующую культурные артефакты разных народов,

проживающих на территории страны, придавая им надэтнический и надконфессиональный характер. Одно из центральных мест в системе российской культуры занимает «высокая культура», аккумулирующая выдающиеся произведения искусства. Культурно-исторические центры России (Московский кремль, Третьяковская галерея, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Большой театр, Эрмитаж, Дворцово-парковый комплекс «Петергоф», Мариинский театр и многое другое) привлекают миллионы посетителей как из российских регионов, так и из других государств.

Все это обуславливает *культуроцентризм* российского менталитета, проявляющийся не только в осознании наличия огромного культурного наследия, но и в особом ценностном отношении россиян к своей культуре.

Российская культура имеет более чем тысячелетнюю историю. На протяжении веков в пространстве российской культуры происходила интеграция природных и цивилизационных мотивов, профанных и сакральных смыслов, этнических и религиозных специфических черт. Все это породило особые формы выражения российской культуры, имеющие преимущественно наглядно-образный характер.

Диалогичность российской культуры – ее открытость и постоянное взаимодействие с другими народами определила необходимость «парадного стиля». Суровые природные условия, «серые степи и белые зимы», выработали особое стремление к ярким краскам и праздничности.

Существенный вклад в становление *наглядно-образного характера* российской культуры внес имперский тип российской цивилизации как культурной наследницы византийской империи. Наглядно-образный характер российской культуры особенно виден в архитектуре («нарышкинское барокко»), декоративно-прикладном искусстве, моде.

Все это проявилось в ментальных установках россиян, основными из которых, на наш взгляд, являются: *коллективизм (общинность) сознания, доминирование эмоционального (душевного) компонента в межличностных отношениях и социальной практике, установка на сакрализацию государственной власти и патернализм, традиционализм бытового уклада и повседневных отношений, открытость к диалогу с другими культурами.*

Особое значение для российского менталитета имеет *установка на коллективный (общинный) образ жизни.* В сложных природных и военных условиях организация общинной жизни в России являлась исторически необходимой. Установки коллективизма (общинности) существенно усиливались идеологемами православия, рассматривающего условно весь народ как семью, а Царя как ее главу. Существенную роль в усилении коллективистских (общинных) тенденций сыграла социально-политическая доктрина С.С. Уварова (1833), провозгласившего доктрину «Православие. Самодержавие. Народность».

В эпоху СССР идея коллективизма получила формально-организационное воплощение в проведении таких значимых преобразований, как индустриализация, коллективизация, культурная революция, вызвавших формирование и функционирование таких социальных образований как колхозы, совхозы, заводские бригады и т.д.

Помимо исторических и социальных оснований установки коллективизма (общинности) имеют непосредственное выражение и в современной жизни россиян. В частности, в повседневной коммуникации распространены родственные обращения к незнакомому человеку: «брат», «сестричка», «отец», «мать», «бабушка», «дедушка». Подобным обращением россияне ментально актуализируют родо-общинные отношения, призывая незнакомое человека стать более близким. По этой же причине у россиян, как правило, более близкие границы личного пространства, они достаточно быстро идут на контакт и непосредственны в личном общении.

В российском культурном пространстве и социальной практике отчетливо видно *доминирование эмоциональных реакций* над рациональными и прагматичными установками. Данная ментальная традиция формировалась на протяжении всей истории российской цивилизации. Она является довольно загадочной, но имеет и некоторые объяснения. Многочисленные кризисные явления российской истории: войны, смены политических режимов, неудачные реформы и многое другое, сформировали в менталитете россиян критическое отношение к рационально-формальным схемам социального и межличностного взаимодействия. Кроме того, многообразие этносов России, специфика ее разнообразных регионов существенно усложнили саму возможность формирования единой рационально-формальной системы отношений. В этой ситуации регулятивную роль играли традиции, интуиция, впечатление и т.п.

Для российской повседневной культуры характерно восприятие «Другого», в первую очередь, как Человека, носителя определенных гендерных, возрастных, этнических признаков, а уже потом, как гражданина, субъекта политических, экономических отношений и т.п. Отсюда складывается специфика социально-экономической и даже политической жизни страны, зачастую совмещающая в себе формальные и неформальные типы взаимодействия, эмоциональные и рациональные реакции и оценки.

Определяющую роль в российском политическом менталитете играют *сакрализация государственной власти* и патернализм в отношениях государства к народу. На протяжении всей российской истории в силу различных факторов – природных, международных, социальных – роль Государства в общественной и культурной жизни страны только усиливалась. Огромное значение для формирования сакрального образа государственной власти имели такие культурные факторы

и процессы как взаимосвязь Государства и Церкви, начиная со Святого князя Владимира – крестителя Руси, абсолютизация государственной власти в идеологических доктринах Православия и Ислама, общинный и «оборонный» характер российской культуры, интерпретирующий главу государства как Отца, Спасителя, Защитника.

Патернализм представляет собой производный феномен от сакрализации государственной власти. Абсолютизируя государство, российский народ «автоматически» воспринимал себя как вторичный по отношению к нему субъект общественной жизни. Наложение родо-общинных отношений также сыграло значительную роль. В этих исторических условиях для большинства россиян характерна отчужденно-выжидательная позиция по отношению к государству: доминирует понимание, что простые граждане не могут повлиять на деятельность государства и во всем зависимы от него. Этот факт существенно осложняет формирование гражданского общества в современной России, но в то же время, выступает своеобразным фундаментом устойчивости российского общества и государства в сложных геополитических условиях.

«Хранителями» культурного прошлого всегда выступали традиции как своеобразный «психологический якорь», дающий иллюзию устойчивости в «эпоху перемен». Для тысячелетней истории российской культуры *традиционалистские ментальные установки* всегда играли большую роль. Сила традиций в России объясняется не только защитной реакцией на постоянные угрозы спокойному существованию, но и ее огромными пространствами, затрудняющими быстрое обновление бытовой жизни. Сохранение традиционного уклада во многом объясняется религиозным характером российской культуры, а также в целом невысоким социально-экономическим уровнем жизни россиян, не позволяющий им часто обновлять свой быт.

В современной России традиции продолжают быть очень значимыми. «Религиозный ренессанс» только укрепил данные тенденции. В России очень распространено соблюдение религиозных традиций: венчание в церкви, крещение и т.п. Как правило, эти обряды носят формально-повседневный характер, но, тем не менее, укрепляют традиционализм российской культуры.

И в то же время российской культуре свойственна *ментальная установка на открытость, диалог с другими культурами*, что фактически определяет бытие многонациональной российской цивилизации. Исторически российский народ формировался как макроэтнос, включающий в себя огромное количество других народов. Примечательным является тот факт, что помимо военной силы российским государством всегда использовался диалог с другими этносами и религиозными системами.

В основе диалога с другими культурами всегда лежало уважительное отношение к их религии, самобытности, социально-политическому устройству. В Российской империи огромное количество народов проживало в рамках национальных автономий. В современной России эта традиция сохраняется. Сегодня в России проживает более 190 этносов. Постоянный диалог с другими культурами (этнотами, религиозными системами) чрезвычайно обогатил российскую культуру и расширил ее менталитет. Именно опыт межкультурного общения существенно облегчил практику современного международного диалога.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гринева 2003 – *Гринева С.В.* Менталитет и ментальность современной России. – Невинномысск, 2003.

Гуревич 1988 – *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 56–70.

Иномата 2003 – *Иномата Е.* Парадигмы современной науки. – СПб., 2003.

Карсавин 2003 – *Карсавин Л.П.* Культура Средних веков. – М.: Книжная находка, 2003.

Кемеров, Керимов 2003 (ред.) – Социальная философия: Словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. – М.: Академический проект, 2003.

Леви-Брюль 2015 – *Леви Брюль Л.* Первобытное мышление. – М.: Академический проект, 2015.

Леви-Стросс 2011 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М.: АСТ, Астрель, 2011.

Полосин 1999 – *Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. – М.: Ладомир, 1999.

Хлыщева 2014 – *Хлыщева Е.В.* Культурное многообразие: граница между «своими» и «чужими» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 280–285.

Храпов 2015 – *Храпов С.А.* Аксиодинамика общественного сознания постсоветской России: социокультурный анализ // Философия и культура. 2015. № 5. С. 752–761. – DOI: 10.7256/1999-2793.2015.5.14234.

Храпов 2010 – *Храпов С.А.* Концептуализация понятий «социальное бессознательное» и «менталитет» (культурно-исторический и философский анализ) // Власть. 2010. № 10. С. 39–41.

Храпов 2010 – *Храпов С.А.* Социокультурная динамика общественного сознания постсоветской России. – М.: Социально-политическая мысль, 2010.

Шпет 2007 – *Шпет Г.Г.* Философия и психология культуры: избранное. – М.: Наука, 2007.

Bouthoul 1952 – Bouthoul G. Les Mentalités. – Paris: Decouverte, 1952.

Dinzelbacher 1993 – *Dinzelbacher P.* Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte // Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen. – Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 1993.

Durkheim 1947 – *Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. A Study in religious Sociology. – Illinois: The Free Press, 1947.

Jung 1990 – *Jung C.G. Traumsymbole des Individuationsprozesses // Psychologie und Alchemie.* – Olten und Freiburg im Breisgau: Walter Verlags, 1990.

Levy-Bruhl 1910 – *Levy-Bruhl L. Mental functions in the lowest societies.* – Paris, 1910.

Le Goff 1974 – *Le Goff J. Les Mentaliteasies: A History of Ambiguities.* – Paris: Decouverte, 1974.

RUSSIAN MENTALITY IN SOCIO-CULTURAL SPACE

E.V. KHLYSHEVA, I.M. MELIKOV, S.A. KHRAPOV

Summary

This article is devoted to the problem of determining the specifics of the Russian mentality as a socio-cultural phenomenon. Geopolitically located between East and West, Russia represents a complex mix of different patterns, manifested in its cultural landscape. The distinctive features of national character, formed under the influence of external and internal factors and entrenched in the process of historical development are clearly manifested in the mentality of Russian people.

Crisis of national identity caused by the processes of globalization and increasing migration flows led to the emergence of identification mechanisms through which the individual determines his place in the sociocultural space.

Despite the originality of Russian civilization, it can't stay away from cultural contacts and borrowings. The new models of post-Soviet chronotope symbolize the splitting of the former space, so the study of the worldview transgression, manifested in the specifics of Russian mentality is not just relevant, but vital for understanding the cultural situations of the past, the present and forecasting the future.

Using cultural-historical, cultural-anthropological and socio-philosophical approaches, the authors analyze Russian mentality and its transformation in the modern sociocultural space.

The author's contribution is the development of an interdisciplinary research approach combining the analysis of significant characteristics of Russian culture with mental attitudes aimed at dominating the emotional component in social practice, setting sacralization of state power and paternalism, traditionalism of the domestic way of life, openness to dialogue with other cultures. The specifics of the Russian mentality is interpreted taking into account the ontological and historical basis, going to the modern level of understanding the problem.

Keywords: mentality, mental attitudes, culture, cultural worldview, cultural identity, social consciousness, socio-cultural space.

Khlysheva, Elena – D.Sc. in Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University.

culture_mar@mail.ru

Melikov, Ibrahim – D.Sc. in Philosophy, Professor of Department of Philosophy at the Russian State Social University.

immelikov@gmail.com

Khrapov, Sergey – D.Sc. in Philosophy, Professor of Department of Philosophy at the Astrakhan State University.
khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Citation: *KHLYSCHEVA E.V., MELIKOV I.M., KHRAPOV S.A.* (2017) Russian Mentality in Socio-Cultural Space. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 8, pp. 48-62.

REFERENCES

- Bouthoul G. (1952) *Les Mentalités. Découverte*, Paris.
- Dinzelbacher P. (1993) Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte. In: *Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen*. Alfred Kroner Verlag, Stuttgart.
- Durkheim E. (1947) *The Elementary Forms of Religious Life. A Study in religious Sociology*. The Free Press, Illinois.
- Inomata E. (2003) *Paradigms of Modern Science* (Russian Translation: Saint Petersburg, 2003).
- Grineva S.V. (2003) *Mentality and the Mentality of Modern Russia*. Nevinnomyssk (in Russian).
- Gurevich A.Ya. (1988) Historical Science and Historical Anthropology. In: *Voprosy Filosofii*. 1988. Vol. 1, pp. 56-70 (in Russian).
- Jung C.G. (1990) Traumsymbole des Individuationsprozesses. In: *Psychologie und Alchemie*. Walter Verlags, Olten und Freiburg im Breisgau, 1990.
- Karsavin L.P. (2003) *The Culture of the Middle Ages*. Book find, Moscow (in Russian).
- Kemerov V.E., Kerimov T.H. (eds.) (2003) *Social philosophy: Dictionary*. Academichesky Project, Moscow (in Russian).
- Khlysheva E.V. (2014) Cultural Diversity: the Boundary Between “Insiders” and “Outsiders”. In: *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*. 2014. Vol. 2 (39), pp. 280-285 (in Russian).
- Khrapov S.A. (2010) Conceptualization of the Concepts of “Social Unconscious” and “Mentality” (Cultural, Historical and Philosophical Analysis). In: *Vlast*. 2010. Vol. 10, pp. 39-41 (in Russian).
- Khrapov S.A. (2015) Exodynamic Social Consciousness of Post-Soviet Russia: Socio-Cultural Analysis. In: *Philosophy and Culture*. 2015. Vol. 5, pp. 752-761. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.5.14234 (in Russian).
- Khrapov S.A. (2010) *Social and Cultural Dynamics of Social Consciousness of Post-Soviet Russia*. Socio-Political Thought, Moscow (in Russian).
- Le Goff J. (1974) *Les Mentalités: A History of Ambiguities*. Découverte, Paris.
- Lévy-Bruhl L. (1910) *Mental Functions in the Lowest Societies*. Paris.
- Lévy-Bruhl L. (1923) *Primitive Mentality* (Russian Translation: Academichesky Project, Moscow, 2015).
- Lévi-Strauss C. (2011) *Structural Anthropology* (Russian Translation: AST, Astrel, Moscow).
- Polosin V.S. (1999) *The Myth. Religion. The State: a Study of Political Mythology*. Ladomir, Moscow (in Russian).
- Shpet G.G. (2007) *Philosophy and Psychology of Culture: Selected Works*. Nauka, Moscow (in Russian).